

Утренний выпуск.

Оформление за строку пятидесяти или
всеми сю мѣсто въ Латвіи въ текстѣ 1 л.
40 с. (70 р. предл. труда 14 с. (7 р.) позади
текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога.
Плюзаграждан 10 amer. цент. за строку.

Ред.: Рига, Мельничная 37 (уг.
Церк. Тел.: ред. — 21214, гор. дроп. —
21733 и 21334, почт. редакц. — 21225.
Главная контора и экспедиція Рига,
Мельничная ул. 37. Тел. конторы
21034, телеф. рекламнаго отпала 21225.

№ 290.

Выходить утромъ и вечеромъ.

9-й г. изд.

**Пятница,
23 декабря 1927 года**

Цѣна номера въ Латвіи 12 сант. бр.
въ Латвіи за оба изд. 60 цент., въ Польшѣ за
оба изд. 80 грш., за утр. 40 грш. за воскр.
45 грш. Подп. пис. изъ „Сегодня“ въ Нѣ-
мечіи (за 7. пом. въ нед.) въ Латвіи 3 л. 50 с.
(175 р.), загр. 5 л. 20 с. (260 р.) или 1 amer. долл.
Подп. пис. изъ „Сегодня“ и „Сегодня
Вечерний“ (13. пом. въ нед.): въ Латвіи
5 л. 75 с., загр. 8 л. 50 с. или 1.70 америч. долл.

„Лишний Человекъ Платоновъ“

Пьеса Антона Чехова или подлогъ?

Имя Антона Павловича Чехова, вновь чеховскихъ героями, — Астрова в Ивано, должно нравиться имъ себѣ виртуозы, но не виртуозы, потому что это большой русский письменникъ, оставивший Россіи и миру огромное, и драгоценное литературное наследство, — причина другая: то, что случилось, неожиданно и очень странно.

Насъ у说服аютъ, что будто бы открыта пьеса никому до сихъ поръ неизвестная, пьеса Чехова.

А история такая.

Есть въ Мюнхенѣ издательство Р. Пинпер и Ко. Съ недавнаго времени оно стало разсыпать театрамъ, макетами и болѣе, шимъ, замысловатыми предложеніями. Пинпер предлагается купить право постановки «сценарийной вещи», — неизвестной доселе, пьесы Антона Чехова.

Назатѣстъ точно и предусмотрительны опредѣляютъ вѣсъ условій. Театръ, прибрѣзъ право на постановку, воспользовался этой пьесой первымъ во всей Европѣ, и будетъ играть ее, какъ единственный собственникъ, но за это долженъ уплатить 15,000 немецкихъ марокъ за пьесу и за пятьдесятъ процентовъ съ каждой спектакля.

Несмотря на всю замытность предложеній, имъ до сихъ поръ никто не рискнулъ воспользоваться. Наконецъ, какимъ-то путемъ пьеса попала въ дирекцію выкъского театра Рейнгартена, въ ее послѣдній прѣдѣлъ сцены, въ Ригу, мѣсто эту пьесу показалъ ригентгартовскій режиссеръ И. Ф. Шинштѣтъ.

Выплюнуло горло ее заглавие:

„Anton Icheshoff. Der unwillige Mensch Pfe off.“

Фирма Пинперъ до сихъ поръ считалась солиднымъ книгоиздательствомъ. Поневолѣ приступаешь къ чтенію съ воленіемъ вѣдь на обложкѣ стоитъ имя Антона Чехова!

Въ чёмъ же содержаніе пьесы и кто въ ней действуетъ?

Персонажи слѣдующіе.

Прежде всего — центральный герой, Миша Васильевичъ Платоновъ. Онъ бѣретъ университетъ, стать школьными учителями, онъ боленъ холодахъ, занятъ остроумиемъ, онъ не можетъ говорить, къ счастью, онъ не помнитъ Платонова. Чтобы отсторонить отъ него самъ членъ, онъ говоритъ, къ счастью, онъ не помнитъ Платонова. Чтобы отсторонить отъ него самъ членъ, онъ говоритъ, къ счастью, онъ не помнитъ Платонова. Это предложеніе онъ охотно принимаетъ, хотя и съговорочкой.

На избу, — обѣщаетъ онъ, — по де- нечку не возьму.

Словомъ, отъчимъ мѣста, фамилии го-

роевъ, ихъ характеры, построены и ластроены пьесы, тамъ и съмы разбросанные удачны, мѣткіи фразы и словечки, настойчивъ общая тональность и даже выраженіе личинъ человекаъ какъ-то естественно и невольно ставятъ «Платонова» въ рядъ этихъ коммѣхъ чеховскихъ пьесъ.

Конечно, болѣе подробное сказаніе и анализ затруднены темъ, что пьеса писана на идемионскомъ языке и, конечно, обрадуетъ мыслинъ возможности наученія о языкахъ чешского материала.

Но сразу же появляются и основополагающая недовѣрія. Оно возникаетъ съ самого начала. Первая же реєракра объясняетъ, что явствѣе происходитъ въ «короновыхъ гостяхъ», между тѣмъ этиль фигурируетъ революционеръ, упоминается судъ присяжныхъ, на сценѣ курятъ папиросы и т. д.

Допустимъ, что это «неизвѣданные годы» — и все же инициатива сподвижниковъ эта пьеса, не устраиваютъ? Начать хотя бы съ заглавія «Лишний человѣкъ Платонова».

Такъ называть пьесу Чеховъ не можетъ. Для него это слишкомъ наивно и тенденциозно, а имѣются многоя свидѣтельства Чехова, разсказанные въ его письмахъ, гдѣ онъ осуждаетъ именно заглавную нравоучительность.

Правда, книга его, — рассказываютъ, — когда-то была названа «Лишнимъ людомъ», и своей пѣсѣи онъ могъ бы дать наименование пьесы «Лишний человѣкъ», хотя и это звучитъ не по чеховски, поучительно и узко, конечно, но въ кѣомъ случаѣ Чеховъ не поставилъ бы такого — указающаго на персонажа — заглавія, какъ «Лишний человѣкъ Платонова».

И такъ все время: есть что-то чеховское, но тутъ же рядомъ совсѣмъ чука, какъ будто онъ и въ то же время не онъ, но же и не похожъ. Эти колебанія испытываются на протяженіи всей пьесы, и эти сомнѣнія разрѣшаются и постѣживаются спектаклемъ.

Иѣ нѣй опять то же: есть элементъ чеховской драматургии, но тутъ же другие, чисто иностранные.

Предъ посыпаннымъ падежомъ, замыкающимъ ходъ Софіи Войницѣвой, въ комнатѣ Гревокъ и Платоновъ. Софія входитъ медленно, и моча начинаетъ рассматривать письменный столъ, будто чѣтко пишетъ.

Гревокъ (хватаетъ руку Платонова): Ти же!

Софія беретъ револьверъ. (Въ пьесѣ сказано: пистолетъ). Стрѣлять въ Платонова, но промахнется.

Гревокъ (заслоняетъ Платонова): Софія Егоровна, это ты дѣлаешь?

Софія. Оставьте меня! (Бѣжитъ, чтобы наступить Платонова и стрѣлять ему въ грудь).

Платоновъ. Слушайте же вы (когда: это его обычнѣе выраженіе) — да ли же это такъ? (падаетъ).

Въ минуту забываетъ Анна Петровна.

Остальной полковникъ Триппенъ, его сынъ и Войницѣвой.

Анна Петровна (вырывается у Софиы револьверъ): Платоновъ! Платоновъ!

Триппенъ (расстигивается Платонову скрѣпкой, Михаилъ Васильевичъ, родной, ты слишкомъ долгъ болѣдъ!)

Гревока (бѣжитъ къ столу, подаетъ Триппену графітъ). Бога ради, сдѣлай его

Полковника Триппеня (хвастается за голову). Все поглощъ, все потягнъ (?).

Анна Петровна: Платоновъ! Платоновъ!

Да слышите же его, Триппенъ!... Помогите!

Триппенъ (послѣ недоброжелательнаго взгляда). Онь умръ.

Гревока (бросается изъ труппы). Иѣтъ, иѣтъ, не моеѣтъ быть.

Триппенъ, Урокъ, Господи, душу его! Ну, все кончено!

Триппенъ-сынъ. Ну, прошай, Миша! Фи, пита-ца за комдамъ.

Полковникъ Триппенъ. Пойду къ Сашѣ. (Саша — Александра Ивановна — жена Платонова) и скажи, что теперь я въ моемъ умереть*.

Триппенъ-сынъ (шатаясь подходитъ къ Войницѣвой и обнимаетъ ее). А что же мы будемъ дѣлать?... Платоновъ-то умеръ (загадки):

Войницѣвой. Что дѣлать, что дѣлать, Илья?

Триппенъ-сынъ (онъ — врачъ). Ну, что, же... мертвыхъ похоронить, а живыхъ же чудить будемъ.

Анна Петровна (она до сихъ поръ лежала на диванѣ, закрыла лицо руками; темнѣла, поклонилась и подходитъ къ Софѣ). Что ты наѣзжала? А, впрочемъ, возьми себя въ руки, Успокойся! (Обращается къ Триппену-сыну). Николай Ивановичъ! Саша ничего не говорите, и въ самъ сейчасъ все скажу (опускается передъ группой Платонова на колѣни). Платоновъ, я въ это не верю..., не могу вѣрить.

Триппенъ-сынъ (онъ Войницѣвой). Ну, Саша, надо помочь этой женѣ, а потомъ...

Войницѣвой. Да, да (подходитъ къ Софѣ, опускаетъ на нее чубчикъ сидѣть у стѣны).

Полкъ Триппенъ. Забыть наѣсъ Богъ? (Забыть за ваши грѣхи, за моя грѣхи?) Зачемъ я грызусъ, старый дуракъ? (Зачемъ я грызусъ, старый дуракъ?) Да что позволъ побегнуть бѣзъ содѣянія? (Что, я вѣдь, видѣть пытавшись, сквернословить и другимъ осуждать?) И, вотъ, герцогъ Богъ терпѣлъ и покаралъ. Занѣсъ онъ свой мечъ надъ пами грѣшникамъ!!

* Александра Ивановна (Саша), страшно блѣдѣвшія своего мужа, уже сдѣланы прѣдѣлы яда. Страшна отъ реинности, отъ пла-тосовской безнадѣи, отъ всей безнадѣиности ея и своей жизни, она, тѣль не мѣшь, видѣть единственнымъ сѣѣть только наѣсъ.

Если я ему, не нужна — не стоить жить!

Таковъ конецъ. Но такой же смѣшной, нечестивой, нечестивой представляется и вся эта вещь.

И, въ самомъ дѣлѣ, произведшая заключительная сцена въ своей первой части выдается какъ-будто чеховскимъ мотивомъ. Одна, начиная съ фразы старика Триппенского «Забыть наѣсъ Богъ», все начинаетъ звучать позывомъ и несомыслиемъ поддѣлкой, притомъ поддѣлкой даже не подъ Чехова, а подъ Толстого, въ томъ же очень плохомъ воспроизведеніи, подслушанномъ не-русскимъ скотомъ.

Вѣдь конецъ финального явленія фальшивъ и даже неизмѣнъ рядомъ съ правдой, подобной и естественной: сценой смерти Платонова. И тутъ настъ снова охватываетъ сущнѣе и недобрѣе, во уходящемъ спутнику на всѣмъ прохожденіи пьесы, мѣстѣ и по времени выдающемся чеховскими мотивами, показывающими чеховскіе фигуры, помнознакомой даже чеховскому фамилии.

Войницѣвой въ «Лишнемъ человѣкѣ Платоновѣ» эта азова генерала, вызывающая въ слуховой памяти Войницѣвой, тоже вдову революционера, со своимъ чеховскимъ малюсенькимъ спутникомъ на всѣмъ прохожденіи пьесы, мѣстѣ и по времени выдающемся чеховскими фигурами, помнознакомой даже чеховской фамилии.

Войницѣвой въ «Лишнемъ человѣкѣ Платоновѣ» эта азова генерала, вызывающая въ слуховой памяти Войницѣвой, тоже вдову революционера, со своимъ чеховскимъ малюсенькимъ спутникомъ на всѣмъ прохожденіи пьесы, мѣстѣ и по времени выдающемся чеховскими фигурами, помнознакомой даже чеховской фамилии.

Но въ пьесѣ, сбѣкнѣй выпущенному издательствомъ Пинпера, знакомы не только характеры лицъ, но и ихъ общественное положеніе: врачи, студенты, полковники, мѣдиковы, и т. д.

Конечно, все эти сомнѣнія и недоумѣнія могли бы разрешены скорѣе и пріѣ, если бы въ нашемъ распорѣженіи былъ русскій текстъ этой странной, новознакомой пьесы. Но его пѣть. Мы обладаемъ только пѣмѣнными. Это очевидно, затруднитъ анализъ, вопросъ останется открытымъ, и въ чѣмъ бы то ни ст҃ѣло, не могутъ прѣдположить съѣзда въ скверѣ Аントона Чехова.

А она, повидимому, дѣйствительно неизвестна никому.

О «Лишнемъ человѣкѣ Платоновѣ» не упоминаются въ своихъ воспоминаніяхъ Николай Короленко, ни Горький, ни близкій другъ Чехова И. Л. Шегловъ, ни С. Елатынскій, ни много работавшій надъ Чеховыми письмами А. А. Намѣровъ. Всё странно, неожиданно и загадочно.

Выяснить исторію появленія въ Пинпера подѣлкой, будь новой пьесы Чехова важно и необходимо, этимъ склоняться занѣсъ теперъ, сеѧться, и настоящія строчки иѣмъ полную единственної цѣли: огласить, вѣдь сквернословить и другимъ осуждать (?) (И, вотъ, герцогъ Богъ терпѣлъ и покаралъ. Занѣсъ онъ свой мечъ надъ пами грѣшникамъ!!)

Выяснить исторію появленія въ Пинпера подѣлкой, будь новой пьесы Чехова важно и не необходимо, этимъ склоняться занѣсъ теперъ, сеѧться, и настоящія строчки иѣмъ полную единственної цѣли: огласить, вѣдь сквернословить и другимъ осуждать (?) (И, вотъ, я ему, не нужна — не стоить жить!).

ПЕТР ПИЛЬСКИЙ